

АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

«СЕРДЦЕ МИЛЮЮЩЕЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО («ЗАПИСКИ ИЗ МЁРТВОГО ДОМА») И А.И. ЦВЕТАЕВОЙ («НЕПОСТИЖИМЫЕ»)

Творчество Ф.М. Достоевского, открытое А.И. Цветаевой в эпоху религиозно-философского Ренессанса начала XX в., становится для неё не только художественным образцом в раскрытии «глубин души человеческой» и философской моделью в решении «последних» вопросов бытия, но и парадигмой духовного пути¹.

Одной из ключевых тем, роднящих миры Достоевского и Цветаевой, – любовь к «братьям нашим меньшим». В автобиографических «Записках из Мёртвого дома» (1862) животным в жизни каторжан («милая лошадака» Гнедко, собаки Шарик, Белка, Кульяпка, гуси, козёл Васька, орёл) Достоевский посвятил целую главу: «наши арестантики могли бы любить животных, и если б им это позволили, они с охотою развели бы в остроге множество домашней скотины и птицы. И, кажется, что бы больше могло смягчить, облагородить суровый и зверский характер арестантов, как не такое, например, занятие?»². Любовью к животным автор раскрывает «в человеке человека»³, а жестокость к животным становится мериллом духовного падения личности.

В этой главе Достоевский изображает не только «все глубины» человеческой души⁴, но и души собачьей. Достоевский трогательно раскрывает «характер» каждой собаки, с которой он был в «постоянной дружбе». Чистая, бескорыстная любовь собаки, ожидающей от человека ответной любви, раскрывается в ситуации *встречи*. Образ собаки пронизывает мотив *ласки, ласкосердия*. Шарик «ласково»⁵ встречает каждую партию, вертит хвостом и приветливо засматривает в глаза каждому вошедшему, ожидая хоть какой-нибудь *ласки*. Но в продолжение многих лет она не добилась никакой *ласки* ни от кого, кроме разве меня. За это-то она и любила меня более всех»⁶.

Ключевым является мотив собачьего *восторга*, искренней *радости*, обращенной к человеку. Так, внутренней речью Достоевский раскрывает «пылкий и *восторженный*» характер Кульяпки: «...как и всякий щенок, который от *радости*, что видит хозяина, обыкновенно навизжит, накричит, полезет лизать в самое лицо и тут же перед вами готов не удержать и всех остальных чувств своих: „Было бы только виден *восторг*,

а прилиция ничего не значат!⁴ Бывало, где бы я ни был, но по крику: „Культяпка!“ – он вдруг являлся из-за какого-нибудь угла, как из-под земли, и с визгливым восторгом летел ко мне, катясь, как шарик, и перекувыркиваясь дороною⁷.

В страдании и униженности собак проступает концепт христианской *жертвенности*. Искалеченная Белка, по причине своей физической ущербности уже не надеющаяся на ласку не только людей, но и своих собратьев, проявляет при этом глубочайшее *смирение*: «Оскорблённая судьбою, она, видимо, решила смириться. Никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смела. <...> в знак смирения, перекувырнется на спину: „Делай, дескать, со мной что тебе угодно, а я, видишь, и не думаю сопротивляться“⁸. Неожиданно проявленная к Белке жалость вызывает у неё чувство *умиления*: «Я попробовал раз её приласкать; это было для неё так ново и неожиданно, что она вдруг вся осела к земле, на все четыре лапы, вся затрепетала и начала громко визжать от умиления. Из жалости я ласкал её часто»⁹.

Судьба собак трагична в мире человеческой жестокости: по слову ап. Павла, вся тварь «по воле покорившего её» человека «совокупно стенает и мучится донныне», с надеждою ожидает от виновника грехопадения своего освобождения от «рабства тления в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8, 19-22), но виновник грехопадения не спасает животных, а жестоко их уничтожает. Любимый Достоевским Культяпка стал жертвой арестанта Неустроева, подложившим содранным с него мехом «бархатные зимние полусапожки»¹⁰.

Если в «Записках из Мёртвого дома» христианские интенции в восприятии животных присутствуют имплицитно, то позже устами кн. Мышкина, Макара Долгорукого, Маркела и старца Зосимы Достоевский прямо говорит об одухотворенности творения и духовности животных. В чистой, *милующей* душе праведников Достоевского отражается райская, первозданная красота творения и животных («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8)), они уже на земле видят осуществление Царствия Божия.

О глубокой духовности животных говорит Зосима, отмечая кротость, незлобивость, доверчивость, духовную красоту коня, вола¹¹. В своем гимне всеобъемлющей любви к творению Божию от «целого» до «песчинки» Зосима осуждает человеческую гордыню, определяющую жестокое отношение к животным¹². При этом Достоевский считал, что любовь к животным не должна опережать любовь к человеку, но должна быть самоцелью, а призвана гуманизировать человека – «очеловечить», «образить» его: «Научившись жалеть скотину, мужик станет жалеть и жену свою»¹³.

Восприятие духовной красоты животных, их глубочайшего смирения, кротости, любви и доверчивости как образца для человека, утратившего в отличие от животных своё «естественное состояние», уходит корнями в христианскую традицию. Увидеть райскую, первозданную красоту животного способен лишь человек с чистым, «милующим сердцем», о котором писал любимый Достоевским христианский мистик VII в. преп. Исаак Сирин: «И что такое сердце милующее? – и сказал: возгорение сердца у человека о всём творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари»¹⁴. Эта сострадательная, жалостливая любовь к животным выступает в христианстве важнейшим свойством духовного совершенства, неотъемлемой чертой святости.

В послушании животных святым (авва Герасим (†475), вылечивший и приручивший льва; св. Франциск Ассизский (†1226) с его обращениями к «брату» Солнцу, «брату» Волку, «сестрам» Птичкам; житийное «чудо о медведе» преп. Сергия Радонежского (†1392) и преп. Серафима Саровского (†1833)), в их взаимной любви проступает райская гармония Адама и животных – утраченный после грехопадения идеал Эдема, Царствия Божия на земле. Творчество Достоевского преломляет в себе христианскую традицию «милующего сердца», соединяя в себе её православный и францисканский варианты¹⁵.

Эта христианская традиция «милующего сердца» присутствует и в творчестве А.И. Цветаевой – в книге рассказов о животных «Непостижимые» (описанные в ней события относятся к годам советских лагерей (1938-1947) и сибирской ссылки (1949-1956), рассказы писались в разные годы, отдельной книгой вышли в 1992 г.¹⁶ Францисканские аллюзии в текстах Цветаевой требуют отдельного изучения, но о значимости для Цветаевой образа св. Франциска говорят следующие факты. Её духовный учитель, Б. Зубакин, как свидетельствует М. Горький после общения с ним в Сорренто в августе 1927 г. (в это время там гостила и Цветаева), «свято чтит Франциска Ассизского и – так же свято – Игнатия Лойоллу»¹⁷. В письме от 31 мая 1927 г. Зубакин формулирует Горькому своё францисканское исповедание: «Я вижу трясогузку на дорожке – и кланяюсь ей. Когда никого нет в саду, подхожу к деревьям и целуюсь с ними. Собаки принимают меня за большого пса, и я даже не стараюсь объяснить им их заблуждение. Знаю, всем существом знаю, что каждая точка Бытия – индивидуальна, неповторима и грезит о себе самой (оттого и рождает из себя – другую „себя“). <...> Каждая точка Бытия понимает другую. Есть древесный, растительный язык всего мира! Звезды перемигиваются с полным пониманием, и земля может провалиться под предателем и негодяем! <...> Процесс сознания один. В бытии нет „над“ и „под“ – а всё „внутри“. Здравствуйте, деревья, прости меня, трава, ждите меня, звезды!»¹⁸. Здесь Зубакин также отсылает к «францисканцу» кн. Мышкину: «Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любил его! О, я только не умею высказать...

а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребёнка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растёт, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...»¹⁹. В тюремном заявлении следователю от 22 октября 1937 г. Зубакин упоминает не дошедшее до нас стихотворение 1921-1922 гг. о «проповедниках евангельской бедности Франциске Ассизском и Серафиме Саровском, характеризующем также моё отношение к воителям духа, к духоборам»²⁰.

Другой друг Цветаевой, М. Волошин, в ноябре 1919 г. в Коктебеле (в это время Цветаева находилась там) пишет стихотворение «Святой Франциск», сначала задумывая его как главу в поэме о Серафиме Саровском «Святой Серафим», но затем помещая его как самостоятельное произведение в книгу «Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции» (1914-1924), в цикл молитв «Возношения». В этом стихотворении Волошин поэтически перелагает «Гимн брата Солнца» и Проповеди св. Франциска животным («Первое житие» Фомы Челанского, 58; «Большая легенда» св. Бонавентуры, VIII, 7, 11):

<...>

*Приходили, прибежали, приползали
Чрез кусты, камня и ограды
Звери кроткие и лютые и гады.
«<...> Братья-звери, будьте крепки в вере:
Царь Небесный твари бессловесной
В пастухи дал голод, страх и холод,
Научил смиренью, мукам и терпению»²¹.*

Волошин завершает стихотворение образом Царствия Божия на земле:

*И монашка звери окружали,
Перед ним колени преклоняли,
Ноги прободённые ему лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишнем дорожки устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,
Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли²².*

Цветаева следует за Достоевским в глубинном проникновении в душу «братьев наших меньших» – не только собак, кошек и кошек, но и гуся Теги, кролика Кроли, свина, птенца, овец и даже насекомого. Главными героями в её книге, как и в «Записках из Мёртвого дома», являются любимые Цветаевой собаки. Углубляя Достоевского, она даёт персонифицированное восприятие животных («Цветаева всегда обращалась к собакам на „вы“²³), создавая незабываемые «портреты» Мишки, Каштанки, Барбоса, Бобка, Домки и других собак.

Как и у Достоевского, бескорыстная любовь собаки раскрывается в ситуации *встречи*, которая приносит человеку необыкновенную, райскую *радость*, что выражается мотивами неожиданного, *чуждого появления, радости, праздника, бескорыстного дара*. Мишка и Каштанка «уносились и появлялись, как луч из-за облака, – кого по пути облизав, кому – сунув в руку мокрую морду»: «Так расцветает в сером дворе факирым цветком – шарманка. И как-то надо было собрать морщинами лоб, чтобы в озабоченной мотивированности продолжать подсчёт сметы – после волшебной немотивированности, которой одаривали нас животные»²⁴. Бобка «с первых лет жизни, «прыгнув» в её сердце, «свил там себе гнездо по гроб жизни»: «Война, недоёданье, разлуки. Но стоит чёрному носу просунуться в щелку, лапе ударить дверь, – как радуюсь! И пёс это – знает! В ответ на мои ласки – даже свистит от нежности! Тонко...»²⁵. Руслан радуется любящему его человеку, «как празднику, – умилённым словам, ласкам, безнаказанности игр»²⁶.

Продолжая Достоевского, цветаевские образы собак воплощают в себе более сохранённую, чем в человеке, глубочайшую духовность – *чистую любовь, благодарность, радость, смирение и кротость*. Так, «в манере Каштанки неизменно сквозило сознание своей неполноценности <...> и рикошетом рождавшаяся благодарность, что её ласкают и с ней шутят»²⁷. Бобка, страдая от случайно причинённой ему боли, проявляет при этом величайшее смирение: «за силу моего не человеческого, собачьего же сочувствия, явно смирал вой. Дрожь – не мог! И вежливо, душевно-грациозно (так бесконечно выше человеческой воспитанности) выражал полноту своего прощенья, радованье моей виноватой, просящей о мире ласке,

утешался властью, мотая ещё страдающей от ушиба мордой»²⁸. И о том же Бобке в игре: «Какая искренность! Какая *не человеческая благодарность!*»²⁹. Собачье сердце способно даже на покаяние»³⁰. Кошка Беляна являет собой образец достойной смерти: «Кротко дотерпела до конца»³¹. Для Цветаевой эта духовность животных – «всплеск радости, райское зрелище» в нашей жизни, «полной дьявольской спешки, жестоко-стей без покаяния, гордостей, недоразумений»³².

Как и в «Записках», судьба животных в цветаевских рассказах трагична в мире человеческой жестокости. Райская по своей взаимности любовь человека и собаки обрывается жестоким убийством собак. Миньку и Каштанку топят в яме нечистот, Руслан пошёл на рукавицы хозяину, Барбоса и Бобку также убивают из-за меха: «За краску, ими не знаемую, у них отняли их верное и весёлое собачье сердце, которым они хотели служить человеку и радовать его»³³. Жестокость к животным для Цветаевой намного страшнее, чем к человеку: «Человек и страдание – органично, ибо отражено в сознании. Страдание животного – чудовищно, потому что у него нет греха»³⁴. В последних словах Цветаева, исходя из своего опыта общения с животными, вторит старцу Зосиме, говорящему, что в животных «нет никакого греха»³⁵.

Цветаева идёт дальше Достоевского, задумываясь в эссе «Тайна животных» (1990) о посмертной судьбе животных. Ответом на этот долго мучивший её вопрос стало райское видение византийского святого Х в. Андрея Юродивого: «дивясь на несказанную высоту и красоту райских деревьев, он увидел, за ними, животных: „цветом зари и неба, а шерсть на них была как бы шёлк...“^{36,37}. Удивлённый этим видением Андрей получил ответ свыше, от которого у Цветаевой сердце «забилося как птица»: «Неужели ты думал, что Бог хоть одной Своей твари даст – тление?»^{38,39}. От этих умиляющих слов и видения «преображённых в раю животных» в душе Цветаевой настал покой.

Вслед за Достоевским, выявившем в животных их глубочайшую метафизику – духовную красоту их «лика», Цветаева раскрывает метафизическую тайну первозданной гармонии человека и животных: «Держа на ладони протянувшуюся с лаской чёрную морду с жёлтой подкладкой, с закрытыми – задремал – глазами, я думаю: точно созданы друг для друга человеческая рука и на неё положенная, как тёплый живой дар – голова собаки!»⁴⁰. В своём *милующем сердце*, полном милосердия и любви, Цветаева достигает благодатного созерцания животных, возвращающего нас в рай: «Ох, как хорошо жить на свете!.. Чувство *счастья*. Нахождение у самых истоков всего, каждый раз как вижу собак и кошек»⁴¹. И это совсем не романтизированное и сентиментальное очеловечение животных, а столь актуальное сегодня экологическое сознание, вытекающее из христианской веры и любви Достоевского и Цветаевой.

Таким образом, важнейшая для обоих писателей тема животных раскрывается в контексте раннехристианской традиции «милующего сердца» (преп. Исаак Сирин), соединяющей в себе её православный и францисканский варианты. В русле этой христианской традиции общие для обоих писателей мотивы, ключевые христианские концепты в изображении животных (встреча, любовь, ласка, восторг, радость, рай, жертва, смирение, кротость, чудо, дар и др.) выражают глубочайший психологизм, христианский гуманизм и метафизическую гармонию человека и животных.

Примечания:

¹ О религиозно-философском, художественном диалоге Цветаевой с Достоевским см. подробнее: Медведев А.А. «...Ведь это родной дом!»: А.И. Цветаева и Ф.М. Достоевский // А.И. Цветаева: жизненный путь и творческое наследие. Материалы Международной конференции. – М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2010. – С. 111-173.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 4. – С. 129.

³ Там же. – Т. 27. – С. 65.

⁴ Там же.

⁵ Здесь и далее подчеркивание в цитатах моё. – А. М.

⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 4. – С. 189.

⁷ Там же. – С. 190-191.

⁸ Там же. – С. 190.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С. 191.

¹¹ Там же. – Т. 14. – С. 267-268.

¹² Там же. – С. 289.

¹³ Там же. – Т. 22. – С. 26.

¹⁴ Сирин Исаак, преп. Слова подвижнические. – М.: Правило веры, 2002. – С. 323-324.

¹⁵ См. подробнее: Медведев А.А. «Сердце милующее» в творчестве Ф.М. Достоевского и христианская традиция // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 194-224; Медведев А.А. «Сердце милующее»: образы праведников в творчестве Ф.М. Достоевского и св. Франциск Ассизский // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (139). – С. 222-233.

¹⁶ Цветаева А.И. Непостижимые: рассказы о животных. – М.: ВМКС, 1992. – 175 с.

¹⁷ Горький М. Письмо А.Н. Тихонову от 9 сентября 1927 г. // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. – М.: Наука, 2014. – Т. 17. – С. 29.

¹⁸ Минувшее: Исторический альманах. 20. – М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. – С. 279-280.

¹⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 8. – С. 459.

²⁰ Немировский А.И., Уколова В.М. Свет звёзд, или Последний русский розенкрейцер. – М.: Прогресс – Культура, 1994. – С. 265.

²¹ Волошин М. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; Коммент. В.П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2003. – С. 362–363.

²² Там же. – С. 363.

²³ Ионас В.Я. Анастасия Цветаева. Встречи. Переписка // Грани. – 2001. – № 198. – С. 152.

²⁴ Цветаева А.И. Непостижимые: рассказы о животных. – М.: ВМКЦ, 1992. – С. 32.

²⁵ Там же. – С. 64.

²⁶ Там же. – С. 69.

²⁷ Там же. – С. 33.

²⁸ Там же. – С. 65.

²⁹ Там же. – С. 66.

³⁰ Там же. – С. 150.

³¹ Цветаева А.И. Амор: Роман и повести. – М.: Современник, 1991. – С. 482.

³² Цветаева А.И. Непостижимые: рассказы о животных. – С. 168.

³³ Там же. – С. 68.

³⁴ Там же. – С. 126.

³⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 14. – С. 268.

³⁶ Это видение райских животных вызывает у блаженного Андрея умиление: «Среди этих цветов бегали прекрасные звери; одни были белые, другие голубые, а иные как бы обитые розовым блеском рассвета. Они все были мирны, веселы и дружны. Какие-то тонкие, чрезвычайно приятные звуки, которыми они обменивались друг с другом, превосходили всякую земную музыку. Шерсть лш, или тончайшие шелковые нити служили им одеждой – я того не мог понять» (Блаженный Андрей юродивый // Ад и Рай. Святоотеческое учение о вечных муках ада и о вечном блаженстве рая и видение рая святыми / Сост. Л. Денисов. Издание 4-е. – М.: Изд. Е.И. Коноваловой, 1911. – С. 44).

³⁷ Цит. по: Васильев Г.К., Никитина Г.Я. Трудный путь к Богу (Духовная эволюция А. Цветаевой) // Вестник Русского Христианского Движения. – 2004. – № 2 (188). – С. 175.

³⁸ «– Что ты удивляешься, Андрей? Или ты стал сомневаться в любви Божией? Бог любит всех, и невинных своих созданий не отдаёт на вечное тление. – Умиление, как усладительный напиток, растворилось в моём сердце, и я воздал хвалу Господу» (Блаженный Андрей юродивый. – С. 44).

³⁹ Цит. по: Васильев Г.К., Никитина Г.Я. Трудный путь к Богу (Духовная эволюция А. Цветаевой). – С. 175.

⁴⁰ Цветаева А.И. Непостижимые: рассказы о животных. – С. 80.

⁴¹ Там же. – С. 65.